

СЛОВАРНАЯ СЕМАНТИКА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ZORN: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.В. Романова, докт. филол. наук (Херсон)

В статье рассматривается динамика семантического развития немецкой лексики *Zorn* – «гнев, ярость». Историческими особенностями анализируемой языковой единицы являются изменения её фонетической оболочки, варьирование грамматического рода и усовершенствование смыслового наполнения в рамках формулы «вещь – эмоция». Установлены два семантических процесса: расширение и сужение.

Ключевые слова: эмоция гнева, чувства, норма, оценка, номинация, система, словарная семантика.

Романова Н.В. Словникова семантика німецькомовного Zorn: діахронічний аспект. У статті розглядається динаміка семантичного розвитку німецької лексики *Zorn* – «гнів, лють». Історичною особливістю аналізованої мовної одиниці є зміни її фонетичної оболонки, варіювання граматичного роду та вдосконалення смислового наповнення у межах формули «рiч – емоція». Установлено два семантичні процеси: розширення і звуження.

Ключові слова: емоція гніву, почуття, норма, оцінка, номінація, система, словникова семантика.

Romanova N.V. Lexical semantics of German word Zorn: a diachronic aspect. The article deals with the dynamics of semantic development of German lexeme *Zorn* – “anger”, “fury”. Historical features of the analyzed language unit are changes of its phonetic shell, variation of grammatical gender and improvement of meaning in the frame of formula “an object – an emotion”. Two semantic processes – extension and contraction – were specified.

Keywords: emotion of anger, feelings, standard, evaluation, nomination, system, lexical semantics.

Проблема исторической семантики лексических единиц является одной из важнейших и вместе с тем недостаточно разработанных. Выступая главным хранителем общечеловеческого и этнического опыта, знаний, мыслей и ценностных представлений во времени и пространстве, словарная лексика фиксирует основную и дополнительную систему значений. В составе этой лексики кодифицированы наиболее частотные слова, к которым можно отнести и исследуемое слово *Zorn*.

Изучение семантического аспекта данной языковой единицы в русле диахронии поможет не только реконструировать, но и глубже осмыслить её смысловое наполнение, исследовать диалектику движения основных семантических типов.

Актуальность статьи определяется ориентированностью современной лингвистики на выявление парадигмы значений слова, динамики его семантического развития,

определения характера семантических изменений, выяснения того, как в семантике объективируется знание о мире.

Объектом исследования является немецкоязычный элемент *Zorn*, предметом – его словарная семантика. Цель статьи – описание эмоции гнева в контексте теории дифференциальных эмоций (К.Э. Изард), анализ объективации названной эмоции, выявление типов словарной семантики *Zorn* в диахронии. Эмпирическим материалом послужили словарные статьи наиболее авторитетных немецких лексикографов: А. Гётце, М. Лексера, Р. Шютцайхеля, Р. Вариг-Бурфайнд, отобранные методом сплошной выборки.

С позиции теории дифференциальных эмоций, разработанной в 70-х годах XX века известным американским психологом К.Э. Изардом, гнев представляет собой мотивационную систему организма и одновременно фундаментальный личностный процесс, специфически переживаемый человеком и влияющий на его когнитивную сферу и поведение.

Эмоция гнева, по мнению К.Э. Изарда, – одна из важнейших предпосылок для выживания человека как биологического вида. Постулируется её ценность – мобилизация психической энергии, чувство уверенности и силы, повышение способности к самозащите или защите родных и близких людей, помощь в социализации. Примечательно, что эмоция гнева переживается индивидом как отрицательное или негативное явление. Тот факт, что эмоция гнева оценивается полярно, свидетельствует о сложности и неоднозначности её природы.

Экспериментально доказано возможность взаимодействия эмоции гнева с другими эмоциями, например, эмоцией вины, эмоцией страха, эмоцией презрения или эмоцией отвращения. В последних случаях формируется комплекс эмоций, который К.Э. Изард называет «триадой враждебности». Эта триада может активироваться в самых различных ситуациях и, в крайних случаях, трансформироваться в череду ссор и перебранок. Предполагается, что враждебность фигурирует и в некоторых типах агрессии. Несмотря на одновременное переживание этих эмоций, каждая из них имеет свои отличительные особенности и вносит что-то своё в мышление и поведение человека. Пребывая в гневе, человек чувствует, что у него «закипает кровь», что он может «взорваться», если не выплеснет свою злость или не устранит причину фрустрации, в то время как, испытывая отвращение к чему- или кому-либо, человек прежде всего стремится устранить объект отвращения или отстраниться от него. Презрение, по сравнению с эмоцией гнева и эмоцией отвращения, характеризуется минимальным уровнем физиологического возбуждения. Это так называемая «самая холодная эмоция».

Под «самой холодной эмоцией» психологи понимают переживание, которое фактически не сопровождается изменениями сердечного ритма, частотой дыхания и другими физиологическими параметрами, существенно изменяющимися при эмоциях гнева и

отвращения [3, с. 288]. Итак, главное отличие триады враждебности от эмоции состоит в том, что враждебность складывается из аффективного опыта и аффективно-когнитивной ориентации, тогда как эмоция состоит из качества и интенсивности аффектов.

Источником эмоции гнева может быть боль, чувство физической или психологической, вербальной или невербальной несвободы, враждебные чувства человека к самому себе, другим людям, «системе» бытия в целом [12, с. 15–17], мысль о допущенной ошибке, несправедливости, обиде или недовольство определённой ситуацией [3, с. 240–242]. Схематически активаторы данной эмоции можно представить таким образом (рис. 1):

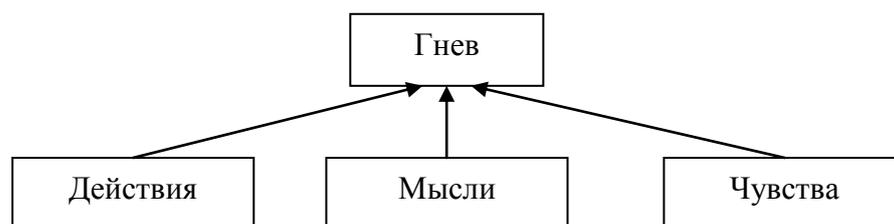

Рис. 1. Предпосылки эмоции гнева

Из рис. 1 видно, что ситуация гнева характеризуется тремя причинами – действиями, мыслями, чувствами. Действия квалифицируются как глупые (34,4%), «необдуманные, опрометчивые, импульсивные (16,8%), неодобряемые другими людьми (12%)», волюнтаристические (8,8%), «агрессивные, мстительные (8,0%), незаконные или аморальные (7,2%), другие (12,8%)» [3, с. 247]. То есть наиболее частотная мотивация связана с когнитивными процессами, менее частотная – с социально-культурными параметрами. Показатели мыслей, что вызывают эмоцию гнева, можно условно разделить на несколько групп: 1) максимально частотные – «мысли о том, что другие ненавидят или осуждают тебя (31,2%)», 2) выше среднечастотных – «мысли об обмане, предательстве, унижении, обиде (19,2%)», 3) приближающиеся к среднечастотным – «мысли о мщении (14,4%)», 4) ниже среднечастотных – «мысли о неудаче, провале, собственной неадекватности; самоосуждение (10,4%), мысли о всеобщей несправедливости, о глобальных проблемах (10,4%)», 5) низкочастотные – раздражающие мысли; мысли о том, что всё плохо (8,0%), другие мысли (6,4%)» [3, с. 247].

Первая группа является доминирующей и носит эмоциональный или социально-правовой характер. В то время как последняя группа даёт нам сведения о влиянии другого характера – морально-психическом напряжении и негативной оценке происходящего.

Динамика чувств в ситуации гнева распределяется несколько иначе, а именно: 1) максимально частотные – «чувство, что с тобой обошлись неправильно, несправедливо, что

тебя обманули, предали, обидели, использовали (40,8%)», 2) приближающиеся к среднечастотным – «чувство гнева – ярости (17,6%)», 3) ниже среднечастотных – «чувство ненависти, неприязни, желание навредить окружающим (12,0%), другие чувства (12,0%)», 3) низкочастотные – «агрессивные, мстительные чувства (8,0%), чувство провала, разочарование в себе, самоосуждение, чувство собственной неадекватности (5,6%), чувство несправедливости устройства мира (3,2%), печаль (0,8%)» [3, с. 247].

Исходя из максимально частотных показателей чувств, можно утверждать, что эмоция гнева характеризуется социально-культурными и правовыми нормами. Что касается низкочастотных показателей, то эмоция гнева активируется экспрессивной или невербальной эмоциональной коммуникацией, социально-культурными нормами, дисгармонией эмоциональных процессов, когнитивной оценкой, эмоциональными процессами.

В каждом из приведённых случаев присутствует отрицательная оценка эмоции гнева, проистекающая из критического восприятия отражаемой действительности, свойственного большинству людей. В основу такой оценки положен ценностный подход к окружающему миру, явлениям природы и общества [6, с. 17]. С другой стороны, отрицательная оценка варьирует от одной фрустрации к другой. Речь идёт о типах оценки, неотъемлемой, в нашем случае, от максимальных показателей – модусной, когнитивной и утилитарной. Модусная оценка отображает физическое или психическое состояние человека через призму восприятия объекта (носителя эмоционального состояния). Когнитивная оценка сводится к осмыслению и отображению действительности через призму восприятия её фрагментов человеком [6, с. 19]. Утилитарная оценка воплощает в себе многоплановую практическую деятельность человека, освоение им предметного мира. Итак, негативная оценка является мерой эмоции гнева и одновременно маркером его стимуляторов (рис. 2):

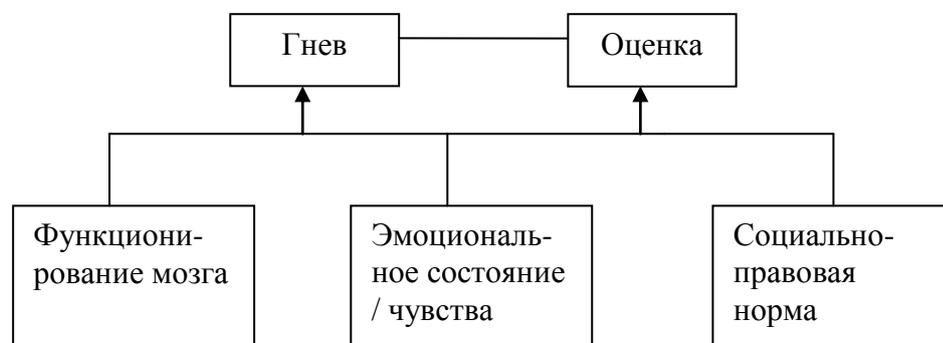

Рис. 2. Доминанты, активирующие эмоцию гнева

Несколько по-другому распределяются частоты последствия эмоции гнева. Было обнаружено, что действия связываются с попытками «сохранить или восстановить контроль над собой или ситуацией (35,6%)», вербальной атакой или физическими действиями, направленными «на объект гнева (24,2%)», агрессивными действиями «против объекта или ситуации, вызывающей гнев (18,9%)», импульсивными, иррациональными действиями (11,4%), другими действиями (9,8%) [3, с. 247]. Здесь преобладают когнитивные процессы, релевантные поставленным человеком целям, предъявляемым требованиям, нормам, правилам, образцам [7, с. 163]. На передний план выдвигается понятие субъективной когнитивной оценки. Эта оценка отражает отрицательное отношение субъекта оценки к её объекту на оси – «нравится – не нравится».

Для категории «мысли» характерно мщение, разрушение, нападение на других (43,9%), сохранение «контроля над собой, ситуацией» или изменении ситуации (13,6%), «ненависть, неприязнь к другим людям, осуждение их (12,1%), поиск способов выражения гнева, вербальных или физических (7,6%), негативные, враждебные мысли (вообще) (7,6%), мысли о событии, вызвавшем гнев (4,5%), злые, разрушительные мысли о себе (4,5%), другие мысли (6,1%)» [3, с. 247]. Акцент на эмоциональных процессах и чертах характера человека, его аффективных переживаниях свидетельствует об обострённом восприятии человеком мира как враждебного ему пространства [12, с. 15–16].

Установлено, что эмоция гнева заставляет человека испытывать такие чувства, как «гнев (28,8%), раздражение, напряжённость и т.п. (24,2%)», месть, негатив (24,2%), «ненависть, неприязнь к людям, осуждение их (6,8%), печаль (2,3%), чувство оправданности гнева (1,5%), другие чувства (10%) [3, с. 247]. Выделяются эмоциональные процессы, сопровождаемые ослаблением волевого и умственного контроля человека за своим сознанием и поведением [7, с. 37].

Графически последствия эмоции гнева можно изобразить в таком виде (рис. 3):

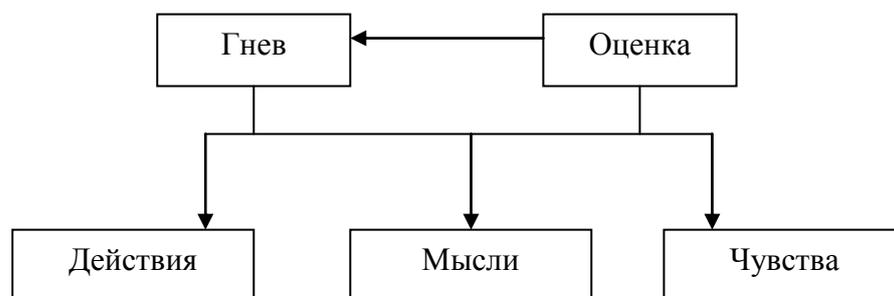

Рис. 3. Воздействие эмоции гнева на мышление и поведение

Укажем, что под оценкой на рис. 3 понимается субъективная когнитивная оценка, на фоне которой осознаются аномальные действия, мысли и чувства. Судя по рассмотренным показателям влияние эмоции гнева на действия и мысли человека является более значимым, нежели на чувства. Факт преобладания эмоциональных процессов над когнитивными и волевыми процессами отражает стереотип поведения человека, вторичность природы когнитивного и волевого, более или менее независимое их функционирование друг от друга. Механизмы экспрессивного поведения представлены на рис. 4:

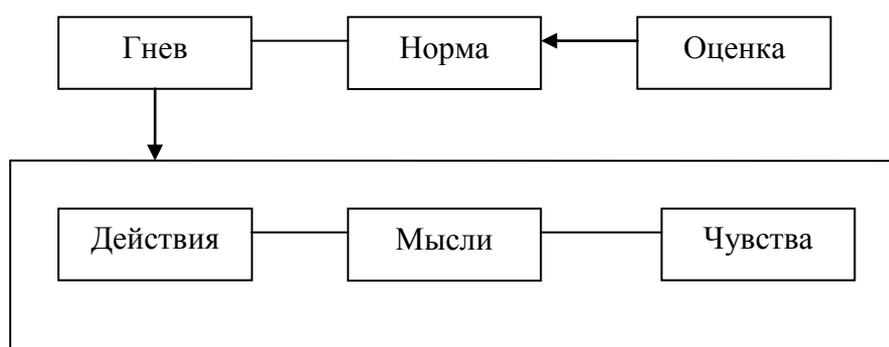

Рис. 4. Проявления последствия эмоции гнева

На рис. 4 показано оценочное стереотипное представление о месте и значимости последствий эмоции гнева в социальных, когнитивных и эмоциональных процессах. Оценочный стереотип имеет стандартный набор признаков, общий для всех или большинства членов конкретного социума [10, с. 41]. Все стереотипные представления о реалиях окружающего мира соотносятся с ассоциативными связями. Итак, чтобы понять вербализацию эмоции гнева необходимо учитывать причину её появления и следствие её влияния. В соответствии с этой логикой смысловое наполнение немецкоязычного *Zorn* будет (из)меняться как в пределах конкретного периода развития немецкого языка, так и от периода к периоду.

Историю немецкого языка разделяют на три периода: древне- (далее – двн.) (VIII–XI в.), средне- (далее – свн.) (XII–XVII в.) и нововерхненемецкий (далее – нвн.) (с XVII в. по настоящее время). Более точная периодизация учитывает период образования новонемецкого литературного языка, который выделяется между средне- и нововерхненемецким под названием раннего нововерхненемецкого (далее – рнвн.) (XIV–XVI в.) [5, с. 175; 13, S. 12].

Двн. совпадает исторически с периодом раннего феодализма, когда происходит формирование языка немецкой народности из племенных диалектов западных германцев, вошедших в состав восточнофранкского. Свн. представляет язык немецкой народности в

период расцвета феодализма и рыцарской культуры. Рнвн. связан с началом разложения феодализма, ростом городов, развитием бюргерской культуры и литературы, формированием новонемецкого национального литературного языка и его нормы [2, с. 37, 52-53, 67–70]. Нвн. характеризуется унификацией немецкого национального языка и созданием национальной литературы по классическим образцам, противопоставлением многообразия «простонародных» диалектов единой норме письменной речи, культурной деградацией через Тридцатилетнюю войну (1618–1648), экспансией латинского, французского, современного английского и его американского варианта, сближением литературного языка с языком народным, разговорным, объединением национального литературного языка (в начале XVIII в.), государственным объединением Германии (1871, 1990), реформированием орфографии национального языка и его вариантов (2005) и т.п.

Таким образом, процессы формирования и становления семантики исследуемого слова зависят от исторических, экономических, политических, социально-культурных, географических и многих других условий общественного развития.

Двн. *zorn* – «гнев, ярость» употребляется в четырёх значениях:

- 1) эмоциональное состояние *Zorn*,
- 2) черта характера *Erbitterung*,
- 3) форма эмоционального состояния *Wut*,
- 4) аффективное переживание *Entrüstung* [16, S. 248].

Если исходить из грамматической категории рода, то *zorn* относится к нейтральным существительным *N*. Предполагается, что средний род был образован из категории «вещей» [4, с. 8]. «Вещественный» характер эмоции гнева – важная характеристика, предопределяющая возможность семантического развития в определённом направлении.

Опираясь на понятие модели или формально-семантической схемы, регулярной можно считать полисемию, образованную в пределах одного типа по одной и той же модели [11, с. 131]. Семантическая модель *zorn* является отражением отнесённости значений «вещь → эмоция», на основе которой развились эмотивное *Zorn*, эмотивно-оценочное *Erbitterung*, экспрессивные *Wut*, *Entrüstung*. Тип переноса метафорический – из сферы артефактов в антропосферу; мотивирующая лексико-семантическая группа (далее – ЛСГ) «неживое» – пополняемая ЛСГ «живое»; номинация: название эмоции – идентификация эмоционального состояния. Отсюда следует, что двн. *zorn* является эмоциональной категорией.

Свн. *zorn* и его фонетический вариант *zorne* претерпевает существенные лексико-грамматические и семантические изменения. Трансформация категории рода – двн. *N* → свн. *stm.* – свидетельствует о том, что медиальный человек понимает эмоцию гнева как

одушевлённый (активный) субъект действия, отделяет её от тела и противопоставляет материальному [8, с. 427]. Наблюдается не только расширение номинативных функций указанной выше лексемы – обозначает временные рамки психического *plötzlich entstandener unwillе*, психическую энергию *heftigkeit*, объект (носителя эмоционального состояния) *worüber man aufgebracht ist*, поведение *beleidigung*, вербальную экспрессивную коммуникацию с обратной связью *heftiger wortwechsel*, формы аффективной коммуникации *zank, streit*, структурные элементы *von elementen: wut, heftigkeit, ungestüm*, но и семантические сдвиги общего значения *zorn* и *wut* [15, S. 338].

Активатором семантических сдвигов или изменений выступает эмоционально-экспрессивная окрашенность слова («эмотивный фактор»), обусловленная, в свою очередь, наличием у этого языкового феномена фонетического, морфологического и семантического мотивирования.

Фонетическое мотивирование – это соответствие между звучанием и значением слова, основанное на звукообразных (звукосимволических или звукоподражательных) элементах языка. Понятие морфологического мотивирования соотносится с процессом создания слова или включения в его состав двух или более компонентов с лексическим или грамматическим значением. Асимметричность или нейтрализация границ между морфемами порождает вторичное структурирование наименования, называемое в лингвистике «народной этимологией», «вторичным мотивированием», «переосмыслением».

Что касается семантического мотивирования, то оно рассматривается как метафорический или метонимический перенос названия одного предмета (на правах его структурной части) на другой [5, с. 15–16].

Семантические изменения слова, таким образом, обусловлены самой его природой и назначением. Иначе говоря, оптимальное выполнение словом своих основных функций – номинативной, коммуникативной, экспрессивной – и является в конечном счёте первопричиной его семантических изменений. Отсюда следует, что причины семантических изменений слова делятся формально на языковые и неязыковые.

К языковым относится номинация, к неязыковым – коммуникация и чувства. Номинация дифференцируется на первичную и вторичную (использование старого слова для нужд новой номинации). Коммуникация осознаётся как вербальная и невербальная, основанная на прагматике и функционировании языковых единиц [1, с. 51–68]. Чувства активизируют речевую и языковую деятельность человека, сказываются на выборе лексики, языковом поведении индивида, могут приводить к эмоциональной коммуникации, разногласию между партнёрами и т.д.

Динамику семантической модели свн. *zorn* и его фонетического варианта *zorne* можно представить таким образом: психологическое → энергетическое → эмоциональное → стимулирующее → экспрессивное → коммуникативное → структурное. Тип переноса метафорический – внутри антропосферы; мотивирующая ЛСГ «эмоции» – пополняемые ЛСГ «структура человека», «объекты (носители эмоционального состояния)», «деятельность»; номинация: название эмоции – функции эмоции. Перед нами совокупность общих и одновременно существенных признаков эмоции гнева, её функций и влияния на действия, мысли, чувства говорящего. Можно сделать вывод, что здесь постулируется концепт ГНЕВ.

Рнвн. *zoren* употребляется для обозначения одного понятия – негативной эмоции *Zorn* [14, S. 237]. При этом сохраняется категория грамматического рода *m*, однако теряется вариантность, многозначность и специфичность семантических типов слова. Следует иметь в виду и развитие фонетической оболочки словоформы: свн. *zorn*, *zorne* → *zoren*, которое понимается в языкознании как изменение сигнификативного значения [9, с. 10].

Демонстрируя тенденцию к генерализации, *zoren* указывает одновременно, с каким из частных явлений говорящий в данном случае это общее должен соотнести. Например, гневом *zoren* будет называться аффективное психическое состояние *heftiger Unwille* и высокий уровень эмоционального восприятия несправедливости или обида *aufwallender Ärger (über Unrecht od. eine Kränkung)* [17, S. 1106].

Итак, семантика рнвн. *zoren* стремится уже к научному понятию «эмоция гнева». Этот вывод можно аргументировать, с одной стороны, «активными» поисками термина для названия эмоции гнева: *grell (f)*, *keib (m)*, *rach (m)*, с другой – попыткой размежевать литературный и народный варианты слова *unwürse (f, allem)*, а также женский *f* и мужской *m* род. В последнем случае можно выделить несколько тенденций: 1) тенденцию к внешней гармонизации или симметричности двух начал: женское – мужское, 2) тенденцию к противопоставлению этих начал, 3) тенденцию к их парному внешнему проявлению $f = 2$ и $m = 2$, 4) тенденцию к внутренней автономной гармонии женского $f = 2$ и мужского $m = 2$, 5) тенденцию ко вторичности с точки зрения морфологического и семантического образования, 6) тенденцию к реализации эмоциональной и когнитивной коннотации [14, S. 111, 133, 172, 220].

Словарная семантика нвн. *Zorn* у [17, S. 1106] совпадает с семантикой предыдущей или рнвн. словоформы *zoren*. Но нельзя сказать, что их фонетические оболочки эквивалентны: у нвн. *Zorn* обнаруживается редупликация гласного *e*, графическая и орфографическая трансформации согласного *Z*. Эти «ограничения» и «новшества» играют существенную роль в углублении сигнификативного значения, что даёт нам возможность говорить о становлении научного понятия «эмоция гнева». В морфологическом плане слово *Zorn* эквивалентно

мужскому роду *m*, то есть лексико-грамматическая единица параллельна рнвн. *zoren*. Всё сказанное может быть резюмировано в такой схеме (рис. 5):

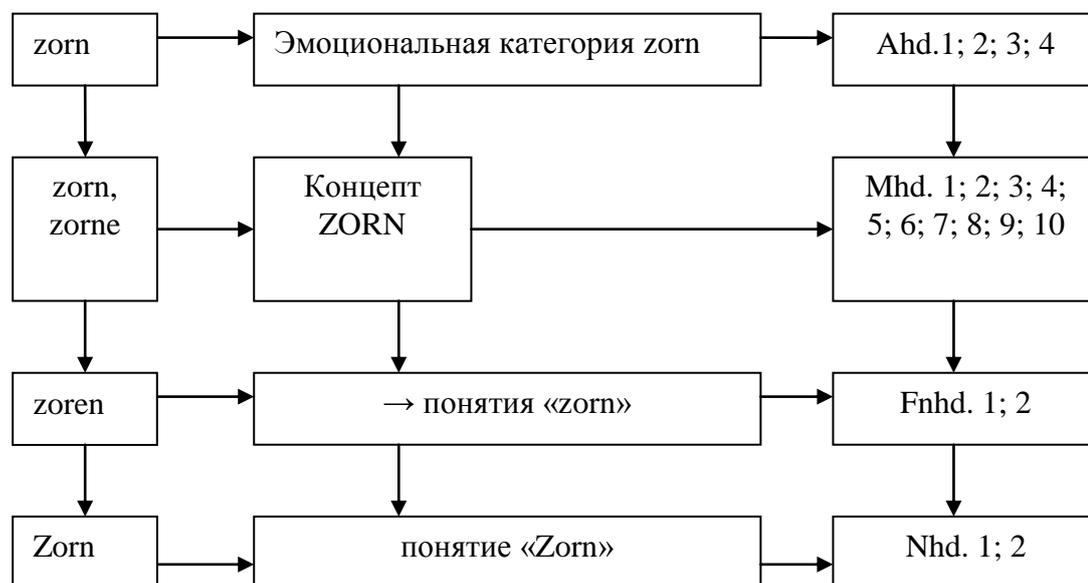

Рис. 5. Сигнификативное и денотативное значения эмоции гнева *Zorn* в диахронии

На рис. 5 знак «→» обозначает процесс формирования научного понятия «эмоция гнева», сокращения Ahd., Mhd., Fnhd. и Nhd. – исторические периоды развития верхненемецкого языка, цифры – количество значений лексемы в хронологии.

Как показал анализ, в смысловом наполнении *Zorn* отчётливо прослеживаются две родовые системы: 1) различие «неодушевлённого – одушевлённого» рода и 2) различие «среднего – мужского – (женского)» рода. По происхождению эти системы принадлежат разным историческим эпохам. Древнейшей из них является первая система или «неодушевлённый – одушевлённый род», которой предшествует оппозиция «активный – пассивный субъект». Преобразование неодушевлённого двн. *zorn* в одушевлённое свн. *zorn* и его фонетический вариант *zorne* мужского рода получило максимальное количество новых значений. Становление одушевлённости мужского рода рнвн. *zoren* происходит на фоне не только женского рода *grell* и *unwürse*, но и диалектной (алеманнский – *allem*), а также культурной (литература) специфики. По мере формирования научного понятия «эмоция гнева» количество лексико-семантических вариантов свн. *zorn*, *zorne* сужается до минимума (1) и унифицируется как рнвн. *zoren*. Нвн. *Zorn* унаследовало в равной мере как морфологию, так и семантику рнвн. *zoren*, продолжив развитие свой фонетической оболочки и усовершенствовав сигнификативное значение.

К перспективам исследования относим анализ текстовой семантики *Zorn* в диахронии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бацевич Ф. С. Основы комунікативної лінгвістики / Ф. С. Бацевич. – К. : «Академія», 2004. – 344 с.
2. Жирмунский В. М. История немецкого языка / В. М. Жирмунский. – М. : ЛНИЯ, 1956. – 388 с.
3. Изард К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард ; пер. с англ. В. Мисник, А. Татлыбаева. – СПб. : Питер, 2008. – 464 с.
4. Левицкий В. В. Основы сравнительной морфологии германских языков / В. В. Левицкий. – Черновцы : Рута, 2004. – 127 с.
5. Левицкий В. В. Германские языки и древние германцы / В. В. Левицкий. – Черновцы : Рута, 2004. – 208 с.
6. Приходько А. И. Семантика и прагматика оценки в современном английском языке / А. И. Приходько. – Запорожье : ЗГУ, 2004. – 321 с.
7. Психологічний словник / [за ред. В. І. Войтка]. – К. : ВШ, 1982. – 216 с.
8. Роменець В. А. Історія психології: Стародавній світ. Середні віки. Відродження / В. А. Роменець. – К. : Либідь, 2005. – 916 с.
9. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов. – М. : Просвещение, 1975. – 271 с.
10. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 143 с.
11. Тропина Н. П. Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование / Н. П. Тропина. – Херсон : Изд-во ХГУ, 2003. – 336 с.
12. Чесноков И. И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры) : автореф. дис. на соискание учён. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Иван Иванович Чесноков. – Волгоград, 2009. – 44 с.
13. Brundin G. Kleine deutsche Sprachgeschichte / G. Brundin. – München : Wilhelm Fink Verl., 2004. – 230 S.
14. Götze A. Frühneuhochdeutsches Glossar / A. Götze. – Bonn : A. Marcus u. E. Weber's Verl., 1920. – 240 S.
15. Lexer M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch / M. Lexer. – Leipzig : S. Hirzel Verl., 1974. – 343 S.
16. Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch / R. Schützeichel. – Tübingen : Max Niemeyer Verl., 1974. – 250 S.
17. Wahrig. Wörterbuch der deutschen Sprache / R. Wahrig-Burfeind. – München : dtv, 2012. – 1152 S.

REFERENCES